

Изъ дневника священника.

Въ ночь съ 24-го на 25-е Ноября минувнаго года совершена покража церковныхъ суммъ Николаевской церкви села Кормоваго. Воры проникли въ церковь чрезъ боковыя южныя двери, взломавъ два замка, а равно сломаны и два замка у ктиторскаго ящика; причемъ одинъ замокъ у свѣчнаго ящика выдернутъ вмѣстѣ съ пробоемъ. Прежде чѣмъ взломать замокъ южной двери, злодѣи пробовали тоже у западныхъ дверей, на которыхъ остались значительныя слѣды ихъ трудовъ, и замокъ совершенно испорченъ. Здѣсь же около храма и въ храмѣ найдены и орудія, при помощи которыхъ совершенъ поломъ замка. Воры не найдены и слѣдовъ никакихъ нѣтъ, но все заставляетъ думать, что это не новички своего дѣла. Они работали смѣло, умѣло и осторожно. Они даже не засвѣтили свѣчей, а все время освѣщались спичками, которыхъ здѣсь же около ктиторскаго ящика набросано не менѣе коробки. Только чудо милости Божіей могло спасти храмъ отъ пожара, ибо понятно для каждаго, что бросая догорѣвшую спичку, воръ совершенно не заботился о безопасности. Благодаря такой предусмотрительности злодѣи сумѣли такъ ловко совершить свое злодѣяніе, что объ этомъ узнали только утромъ, не смотря на то, что при церкви находились два сторожа и ночной караульщикъ. Правда, воры воспользовались темнотою ночи и сильною бурей съ страшно-пронзительнымъ вѣтромъ, такъ что шумъ отъ ихъ работы совершенно заглушался ревомъ вѣтра и гуломъ желѣза на церковной оградѣ (каменная ограда покрыта желѣзомъ). Ночь была по истинѣ ужасна, все живое не безъ тренета высматривало изъ теплаго уголка. Очевидно, такая ночь для хищниковъ не случайная, но долгожданная ночь. Судя по тому, съ какою тщательностью выбрали всѣ церковныя суммы, можно положительно утверждать, что они были въ храмѣ продолжительное время. Кромѣ денегъ ничего не взято: всѣ предметы и цѣнные вещи оказались на своихъ мѣстахъ нетронутыми.

Столь печальное событіе, небывалое въ нашемъ краѣ, невольно наводитъ на размышленіе: гдѣ корень зла? Размышляя по этому вопросу, нельзя не остановиться на русской пословицѣ: «не клади плохого, не вводи вора во грѣхъ». Въ большинствѣ сель Астраханской епархіи обязанности церковныхъ сторожей, а равно и ночныхъ ка-

раульщикова несутъ лица, выбранныя обществомъ, какъ говорятъ крестьяне, «за отбучу». И служба при церкви считается дѣломъ самымъ легкимъ. Назначаютъ на эту должность обыкновенно лицъ, которыхъ общество желаетъ «пожалѣть». Поэтому сторожа при церкви мѣняются ежегодно вообще, а въ частности чуть-ли не ежедневно: разъ прійдетъ послужить отецъ, въ другой разъ онъ пришлетъ сына, другого и т. д. Запрещеніе священника считается придиркой, незаконнымъ требованіемъ, порождаетъ недоразумѣнія, а то и прямо нерасположенія. При такихъ условіяхъ какъ можетъ священникъ достигнуть исправности ночного караула, чистоты и опрятности по церкви. Для иллюстраціи укажемъ примѣръ. Въ одномъ изъ нашихъ степныхъ селеній нанять былъ ночной караульщикъ для церкви. Приходить онъ въ сторожку, когда ему вздумается, часовъ въ 8, 9 или 10 вечера, смотря по своимъ домашнимъ обстоятельствамъ, раздѣвается какъ слѣдуетъ человѣку, свободному для полного отдыха послѣ дневныхъ трудовъ и ничтоже сумняся, предается сладкому сну. «Слушай, Кузьма, ты хоть часы пойдѣ, пробей», говоритъ ему одинъ изъ сторожей.— «Не пойду; что хочешь дѣлай, не пойду; вы сторожа, вы и должны звонить, а мое дѣло караулить». И часто такой стражъ совершенно не приходилъ въ сторожку на томъ основаніи, что и «безъ меня, молъ, обойдется дѣло» и на вопросъ священника, спокойно, съ мельчайшими подробностями начинаетъ рассказывать, гдѣ былъ и что дѣлалъ: то въ поле ходилъ, то... словомъ, былъ занятъ домашними дѣлами. Когда же отлучки его стали очень часты, священникъ написалъ въ сельское правленіе, что церковь почти каждую ночь остается безъ караула, что при подобномъ караульщикѣ онъ не можетъ отвѣчать за дѣлность и сохранность храма, то собрались старики, вызвали караульщика и заставили его «ходить», т. е. исполнять возложенныя обязанности. И конечно онъ *ходилъ*, но съ такою же исправностію, какъ прежде, а священникъ остался въ его глазахъ кляузникомъ. И одинъ ли онъ такой стражъ?

А что сказать о чистотѣ и опрятности нашихъ церковныхъ сторожей? Прежде всего выступаетъ на сцену самая личность церковного сторожа: это почтенныхъ лѣтъ старецъ, утратившій многое изъ внѣшняго благоприличія; не даромъ всѣ они извѣстны въ селахъ подъ общимъ названіемъ: «дѣды». Находясь постоянно около свѣчей, масла

и углей, сторожъ-старикъ, ненамѣренно, конечно, но именно по преклонности своихъ лѣтъ оставляетъ на рукахъ, лицѣ и одеждѣ столь значительныя пятна отъ масла и углей, что къ концу своей службы онъ походитъ скорѣе на масленщика мапины, чѣмъ на церковнаго сторожа. (Съ введеніемъ экономическаго угля, — сердечное спасибо изобрѣтателю, — картина эта значительно ступевалась). Правда, мы, сельчане, свыклись съ этою простотою и многого не замѣчаемъ, но человѣка новенькаго такіе сторожа поражаютъ. Недавно со мною подѣлился своими впечатлѣніями одинъ горожанинъ. Для него наши сторожа все не такъ дѣлаютъ: и по церкви не такъ ходитъ «папъ дѣдокъ», и свѣчу-то не такъ несетъ, и кадило не такъ подастъ; по интересіе всего, какъ сторожъ снимаетъ съ свѣчи нагаръ фитиля; «подошелъ, говоритъ горожанинъ, смотритъ, затѣмъ замахнулся, чтобы снять фитиль, но недотронувшись, отнялъ руку, при этомъ такъ ломоталъ головою, какъ бы хотѣлъ сказать: «тутъ зря не возмешь, надо умѣючи». Затѣмъ плюнулъ на руку и снова потянулся къ свѣчкѣ и на этотъ разъ уже снялъ фитиль, но тотчасъ же со всего розмаху бросилъ на полъ и тутъ же затопталъ ногой, приподнявъ ее такъ высоко, будто ему приходилось имѣть дѣло съ горящимъ полѣномъ, а не нагаромъ фитиля; при этомъ онъ снова посмотрѣлъ на богомольцевъ, какъ бы ожидая отъ нихъ одобренія». Конечно, горожанину все это такъ показалось а на самомъ дѣлѣ, это дѣлается, хотя и такъ, но безъ всякихъ заднихъ мыслей. Однако, когда рассказчикъ представилъ сторожа въ живописной картинѣ, трудно было удержаться отъ смѣха. Представьте себѣ такого сторожа поправляющимъ семь запрестольныхъ свѣчей, да еще въ тѣ великія минуты, какія наступаютъ послѣ херувимской пѣсни, подающимъ священнику въ алтарь кадило, или подающимъ къ престолу теплоту... И все это, какъ дѣло непривычное, дѣлается ими съ поспѣшностію, безъ всякаго сознанія святости минуты и мѣста. А что бываетъ съ церковнымъ звономъ и трезвономъ? Можно себѣ только представить... Два сторожа поступаютъ одновременно, изъ конхъ ни одинъ ни разу не былъ на церковной колокольнѣ. Какой трезвонъ онъ зададутъ въ первый же день своей службы? И всѣхъ такихъ служака надо священнику научить звонить, трезвонить; приучить къ порядку и ко всѣмъ дѣйствіямъ при богослуженіи; необходимо также еще познакомить и съ церковными часами; отъ нихъ же требовать

чистоты и опрятности по церкви. Не мудрено, что вскорѣ по поступленіи въ церковные сторожа слышишь жалобные вопли: «не притѣсняйте»; насъ и такъ общество обидѣло заставило ходить (т. е. быть сторожемъ); это для насъ непосильно, дома дѣтишки малыя, хозяйствовать некому; вы ужъ пожалуйте, будьте отцомъ роднымъ, не притѣсняйте и т. д.» И только что не много научишь порядку, какъ смотришь, что оцъ вмѣсто себя заставлятъ ходить сына, затѣмъ въ страдное время паялытъ кого либо на недѣлю-двѣ и т. д. И все это новички, которымъ приходится разъяснять, указывать, какъ, что и когда надо дѣлать. Не диво, что сельскіе храмы такъ скоро заростають пылью послѣ поновленій. Вѣдь громадная разница: подмететь-ли церковь опытный сторожъ, или новичекъ. Само собою разумѣется, все это сразу видоизмѣнится, если церковные сторожа, а равно и караульный, будутъ служить на жалованьи, чтобы и жалованье выдавалось притомъ. Тогда сторожа служили бы по нѣсколько лѣтъ, хорошо-бы знали свои обязанности, дорожили-бы своею должностію и это было бы вѣрною порукою за хоропій карауль, чистоту и опрятность по церкви. Понятно, для этого необходимо положить приличное жалованье, на которое могъ-бы согласиться служить дѣйствительный работникъ. Никто не повѣритъ, а между тѣмъ это фактъ, что выбранный сторожъ, нанимая вмѣсто себя, давалъ охотнику 20 руб. въ годъ, а тотъ просилъ 23 р. И не сошлись въ цѣнѣ. Другой нашель за себя въ годъ за 18 руб. Принимая во вниманіе, что лѣтомъ плохой юсарь получаетъ въ день рубль и больше на хозяйскомъ содержаніи; можно судить: каковы эти охотники въ сторожа? Избави Богъ отъ такихъ наемныхъ сторожей. *).

Свящ. Вас. Кряжмскій.

* Дѣйствительно, церковные сторожа по своимъ обязанностямъ и роду службы имѣютъ весьма важное значеніе въ церковно-приходской жизни. За рѣдкими исключеніями, церковные сторожа обычно назначаются, или нанимаются сельскими обществами (113 ст. и 176 ст. Общ. пол. крест.), нерѣдко безъ согласія мѣстныхъ священно-служителей и отбываютъ свою повинность, какъ одинъ изъ видовъ общественной службы и за незначительное жалованье. При такихъ условіяхъ они не всегда удовлетворяютъ своему назначенію—служить при храмѣ Божіемъ и заботиться о его внѣшней чистотѣ, т. е. исполнять тѣ обязанности, которыя прежде до паденія Положенія о духовенствѣ 1869 г. исполняли пономари (Служебн.). Не говоримъ уже о томъ, что при частой смѣнѣ и необезпеченномъ положеніи и по принудительности своей службы, сторожа церковные не могутъ приучаться къ порядку церковной службы, тѣмъ болѣе сознавать важность служенія своего. Для устраниенія ненормальнаго положенія церковныхъ сторожей Вюр. Еп. Вѣд. предлагаютъ такую мѣру: въ церковные сторожа должны выбираться люди вполне благонадежные въ религіозно-правственномъ отношеніи и непременно съ согласіемъ церковнослужителей и старос-